

# В Амстердам – с мехами и вареньем...

Россия на Международной колониальной и экспортно-торговой выставке 1883 года в Амстердаме



Международная выставка 1883 года в Амстердаме. Общий вид Русского отдела



Место расположения выставки

Государственная поддержка участия отечественных экспонентов в выставках за рубежом – вопрос более чем непростой. Почти неразрешимый. Какие мероприятия выбрать? На что тратить деньги? Кому и как помогать? Чем измерить эффективность? Единого ответа на эти вопросы нет, и, кажется, быть не может.

Между тем, век назад ни у кого не имелось и тени сомнения в том, что присутствие наших фирм на крупных зарубежных выставках играет ключевую роль в усилении авторитета России в мире. Причем на всех направлениях: в экономике, политике, культуре.

И это касалось не только глобальных смотров, коими по определению были (и остаются до сего времени) Всемирные выставки, на которые правительства десятков стран тратят огромные деньги, не надеясь и не планируя отдачи.

Перенесемся в Русский отдел Международной колониальной и экспортно-торговой выставки 1883 года в Амстердаме (Internationale Koloniale En Untverhandel Tentoonstelling Amsterdam) – мероприятию по преимуществу частном, коммерческом, изначально направленным на извлечение прибыли.

Современник оценивал ее чрезвычайно высоко: «Амстердамская выставка должна составить эпоху в истории всемирных выставок. – писал делегат Императорского Русского Технического Общества А. А. Ильин, командированный в Амстердам. – Она представила первый блестящим образом удавшийся опыт устройства всемирной выставки частным обществом на коммерческом основании, который на деле доказал, что такая организация не только не игнорирует интересы правительства и города... или интересы отдельных производителей, но, наоборот, приносит как тем, так и другим еще большие выгоды».<sup>1</sup>

## ДОРОЖИТЬ КАЖДЫМ, СПОСОБНЫМ ЗАПЛАТИТЬ ХОТЬ ЗА КВАДРАТНЫЙ ВЕРШОК...

или – как частная выставка стала всемирной

Редкий случай в истории – инициатором и вдохновителем выставки мирового масштаба стал единственный человек – парижанин Агостини. Мало того, что он был неприлично молод (32 года), так еще не имел никакого личного состояния и никогда не входил в высшие круги какого-либо из государств. Неудивительно, что долгое время его считали в лучшем случае фантазером, а в худшем – международным аферистом.

Между тем, он был, как сказали бы сегодня, топ-менеджером высшего класса, неутомимым, энергичным и талантливым. По собственной инициативе он побывал на Всемирных выставках в Вене, Париже и Филадельфии с целью детального изучения их организации.

Агостини предложил учредить «частное акционерное товарищество на вере», которое взяло бы на себя все обязанности и расходы по привлечению экспонентов, формированию экспозиции, проведению выставки и экспертизы экспонатов. При этом оно не требовало от городских властей ни денег, ни гарантий, ни даже простого покровительства, наоборот – обязывалось обустроить пустынную окраину, отведенную под территорию выставки, и возратить ее городу полностью благоустроенной, а именно: осушить болотистые места, поднять уровень поверхности, провести дороги, ввести в строй водопровод, газопровод и канализацию.

Проект Агостини долго «вентилировался», кочевал по торговым палатам, городским комиссиям и

другим инстанциям, и был бы без сомнения похоронен – в любом городе, но не в Амстердаме. Только здесь местное купечество, занимавшееся исключительно экспортной колониальной торговлей, могло поддержать частную колониальную выставку. После этого без труда удалось уговорить городские власти на выделение участка земли.

Для устройства выставки акционеры избрали Исполнительный комитет в составе одиннадцати членов во главе с генеральным комиссаром Агостини, учредили агентуры (представительства) в разных странах и обратились к правительствам с предложением законтрактовать для своих компаний площади.

В подчинении Исполнительного комитета находился Административный комитет, занимавшийся непосредственной организацией работ, и ряд специальных комиссий: по устройству Колониального и Художественного отделов, выставок животных, научных конгрессов и пр.

Каждое государство могло иметь комиссаров национальных отделов и агентов для поиска экспонентов, официального представительства интересов своей страны, защиты прав отдельных участников и работы в составе экспертных комиссий.

Церемония торжественного открытия выставки 1 мая 1883 года





При этом окончательное право назначения экспонентов голландское правительство оставило за собой. Всего в качестве эксперта был утвержден 371 человек (от Голландии – 200, Франции – 53, Бельгии – 46, Германии – 45, Англии – 27, России – 18, Австрии – 10, других стран – еще меньше).

Что происходило далее – удивило многих. Проект выставки голландской колониальной торговли с допущением экспортеров из других стран вследствие активной работы организаторов получил развитие. Заявки на участие поступали со всех концов мира и от компаний самых разных сфер деятельности. В итоге, смотр принял облик вполне сформировавшейся Всемирной промышленной выставки.

Многие государства не жалели средств на организацию своих отделов. Бельгия ассигновала 400 000 франков, Франция – 200 000, не считая 45 000 на постройку павильона города Парижа и 100 000 – на командировки партий рабочих с образовательной целью.

Вследствие особого коммерческого характера проекта экспозиция получила непривычный для того времени (но так хорошо известный сегодня) характер. Вот что об этом писал специалист: «выставка... представлялась с первого взгляда двуличной: с одной стороны носила классический тип, с другой – вульгарный - ярмарочный, так как на ней рядом с замечательными историческими, этнографическими коллекциями, чуждыми всяких меркантильных целей, являлись чуть ли не гнилые яблоки, выставленные для продажи. Укорять за это предпринимателей нельзя... потому что они должны были дорожить каждым, способным заплатить хоть за лишней квадратный вершок, чтобы за

его устройство не пришлось выложить из своего кармана. Они предоставили свободу [участия в выставке] всем желающим, оценку же выставленных вещей – суду покупателей и правительственной экспертизе»<sup>1</sup>.

**ВЫСТАВКА ПРОИЗВОДИТ ПОРАЖАЮЩЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ!**

или – как встретились бриллианты, «физиономии малайских танцовщиц» и паровые машины

Выставка открылась 1 мая 1883 года в присутствии нидерландского короля Виллема III и высокопоставленных гостей из разных стран мира. Торжество началось с сочиненной по этому поводу кантаты, которую пропели 11 000 голосов. Затем, как и в наши дни (поистине, ничто не ново под луной), начался обход экспозиции королевской четой, за которой следовала многочисленная группа приглашенных лиц. В каждом отделе королю и королеве представлялись комиссары национальных стендов и депутации. Особое впечатление на королевскую чету произвел необыкновенно высокий рост конногвардейцев, стоявших при входе в Русский отдел. Вечером того же дня городские власти Амстердама дали бал, на котором присутствовали Августейшие лица.

Общее количество всех экспонентов по каталогу составило 6141, правда, эта цифра нуждается в серьезном уточнении. С одной стороны, далеко не все указанные в перечне фирмы присутствовали на выставке, многие из них, как сказали бы сегодня, стали заочными участниками. В то же время, в некоторых случаях в качестве одного экспонента рассматривались представительства целых стран.

Официально выставка преследовала две цели: – показ достижений торговли и промышленности с экспертизой экспонатов; – организацию продажи различных предметов на месте.

Специальную задачу ставили перед Колониальным отделом, имевшим характер этнографического, промышленного и торгового музея нидерландских колоний. В его состав вошли три группы экспонатов, объединенных одной тематикой: «Природа колонизированных незаселенных мест», «Индийское народонаселение» и «Европейцы в колониях и отношение к индейцам».

И все же, первой на выставке оказалась не хозяйка смотра Голландия, как можно было бы предположить, а Франция, причем по всем показателям: и по арендованной площади, и по числу экспонентов. К слову, именно тогда французские парфюмеры впервые в истории представили помаду для дам – ароматическую палочку, завернутую в шелковую бумагу.

Второе и третье места заняли, соответственно, Бельгия и Германия. И лишь потом, четвертой в списке, следовала Голландия. Количество участников и площади крупнейших национальных экспозиций указаны в таблице 1. Помимо них собственные отделы имели Персия (300 кв. м), Швейцария и Уругвай (по 200 кв. м), Бразилия (140 кв. м), Швеция (133 кв. м), острова Святого Маврикия, Ямайка, Английская Индия, Египет, Сиам и Трансвааль (по 100 кв. м), Гаити (20 кв. м).

Для прочих государств, в частности, ряда стран Южной Америки, Дании, Греции и Люксембурга, не приславших уполномоченных комиссаров, отдели отдельную галерею, носившую имя «Международной».

Территория выставки примыкала к заднему фасаду недостроенного в то время Государственного художественного Музея (Rijksmuseum), с трех остальных сторон ее огородили простым деревянным забором.

Пройдя готическую колоннаду музея, к которой с обеих сторон примыкали большие дворы со стеклянными крышами, посетитель видел портал Главного здания выставки. История донесла нам

Таблица 1. Количество участников и площадь основных национальных экспозиций Международной колониальной и экспортно-торговой выставки 1883 года в Амстердаме<sup>1</sup>

№	Страна	Площадь экспозиции, кв. м	Количество экспонентов
1	Франция	11 900	1423
2	Бельгия	9 000	1159
3	Германия	8 000	1177
4	Голландия	7 000	1098
5	Англия	3 000	365
6	Китай	1 400	общая выставка
7	Испания	1 400	5
8	Австрия	1 380	173
9	Россия	1 000	106
10	Япония	1 000	68
11	Северо-Американские Штаты	1 000	42
12	Новый Южный Уэльс (Австралия)	600	общая выставка
13	Остров Виктория (Канадский Арктический архипелаг)	400	общая выставка
14	Италия	400	80



Международная выставка 1883 года в Амстердаме. Главный вход

две прямо противоположные оценки этого сооружения. А.А. Ильин назвал его «барак в стиле индийских пагод». Журналист «Нивы», напротив, восхищался: «Портал этот отличается великолепной фантастической архитектурой. Из больших полированных изразцов, до поразительности схожих с белым мрамором, по обеим сторонам возвышаются тупые башни, базисы которых уставлены белыми слонами, а верхушки богато украшены мифологическими индийскими эмблемами. Обе башни соединяются драпировкой также в восточном вкусе, а виднеющийся позади главный фасад покрыт картинами мифологического содержания. Необыкновенно роскошные пестрые декорации сообщают входу характер восточного здания».<sup>2</sup>

Павильон квадратной формы площадью 60 тыс. кв. м имел голые стены и простой деревянный настил с щелями, в которых пропадали десятки случайно уроненных предметов. Средняя галерея длиной 340 метров и шириной 20 метров пересекалась шестнадцатью поперечными галереями, отведенными для экспозиций отдельных государств.

В отличие от Главного павильона Колониального отдела отличался искусной отделкой в мавританском стиле. Перед входом возвышалась статуя основателя Ост-Индской компании Яна Петра Кэна. Вокруг раскинулись двадцать живописных хижин с острова Ява, сделанных из бамбукового тростника, матов и плетений из листьев. Частично возвышаясь над водой на сваях, они предоставляли живущим в них малайцам (живые экспонаты!) обширные и весьма удобные помещения.

«Удивительные физиономии малайских танцовщиц, напоминающие монгольскую расу, изобилие пальм и тропических растений возбуждает фантазию и переносит зрителя в далекие страны. В этом отделе есть также несколько образцов любимых домашних животных индийского архипелага, например, маленькие быстроногие горные лошади, буйволы – необходимые животные при

возделывании почвы»<sup>2</sup> – делился впечатлениями журналист.

Непосредственно к малайской колонии примыкало круглое циркообразное здание, где в первобытных хижинах «жили» представители различных народов вест-индского и индийского архипелагов. Рядом находилась бронзовая пагода из Японии, покрытая письменами.

Отдельные павильоны возвели для Художественного и Машинного отделов, в первом находились произведения изящных искусств – живопись и скульптура, во втором – машины, приводимые в движение паром. К этим зданиям А.А. Ильин был еще более беспощаден: «сарай без всяких претензий на какой-нибудь стиль».

Впрочем, нашлись сооружения, заслужившие его похвалу. Самым красивым он назвал большой Тунисский павильон, созданный на средства французского правительства.

Особую гордость хозяев смотра составлял каменный Королевский павильон, отличавшийся тем, что к его постройке и внутреннему убранству допустили лишь местных голландских подрядчиков и фабрикантов. Все крупные и мелкие предметы здесь были промаркированы названиями фирм и именами отдельных рабочих. Каждая дверь, рама, замок, даже перьевая ручка носила фамилию своего создателя.

Столь же яркими были павильоны Парижа и Амстердама. Блеском бриллиантов блистал огромный павильон амстердамских ювелиров.

Как оценивали выставку современники? По-разному. Работавший на стенде своей компании представитель журнала «Нива» не скрывал восторга: «Выставка производит поражающее впечатление. Самое устройство ее и выставленные предметы заслуживают всеобщей похвалы. В особенности чудесны предметы, присланные из восточных и западных индийских и нидерландских колоний. Предметы эти помещены в отдельном здании и своим совершенством,







Живые экспонаты выставки

оригинальностью и полнотой вкуса группировкой превосходят все, что было до сих пор выставлено в этом роде в Европе. Благодаря участию нидерландского колониального правительства отдел этот отличается особенной полнотой, так что посетитель за несколько часов может составить себе совершенно ясное понятие об индийском архипелаге. Невозможно не удивляться, видя это собрание и нельзя не отдать справедливости поистине изумительной деятельности голландских колонистов, культивирующих тропические страны».<sup>2</sup>

Любители экзотики тянулись к Суринамской деревне с живыми аборигенами и индийским постройкам, окруженным небольшими кофейнями и сахарными плантациями. Обедали они в уникальном явайском ресторане, предлагавшем подлинно народную кухню своей страны.

Кроме стационарных зданий имелось множество киосков (шалашей, по определению А.А. Ильина) для торговли съестными припасами и питьем, китайских и турецких базаров, балаганов для театральных представлений и ресторанов с кухней разных народов (содержал их один и тот же немец, который «не особенно заботился о принаровлении своего меню к вкусам тех, [кого он] зазывал своими вывесками. Эти рестораны вполне гармонировали с общим характером построек, они не имели ни благоустроенных зал, ни сколько-нибудь приличной внешности»<sup>1</sup>).

Самые серьезные нарекания вызывал Отдел ручного труда. Официально он предназначался для производства на месте и продажи изделий кустарей-одиночек, на деле же стал обычным базаром, где собирались торговцы безделушками, «не дававшие проходу своими зазываниями»<sup>1</sup>.

### БОЛЕЕ РАДИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОСТИ, ЧЕМ В ИНТЕРЕСАХ ТОРГОВЛИ...

или – почему Русский отдел вызывал и восторги, и осуждение современников

Ввиду новизны проект Агостини в России поначалу просто игнорировали. Единственное, против чего не возражало Министерство Финансов, так это – удостоверить полномочия А.К. Гиниуса, агента компании Агостини в Российской Империи, имеющего право на распространение сведений о выставке, поиска экспонентов и организации их участия.

Позднее ситуация изменилась коренным образом. Не желая отставать от ведущих мировых держав, Министерство Финансов откликнулось на просьбу ряда крупных петербургских и московских фирм и приняло решение организовать Русский отдел за казенный счет. На это из бюджета выделили немалую сумму – 40000 рублей. Для заведывания отделом сформировали секретариат. Формально, по должности, его возглавил находившийся в Голландии русский консул Щерпантовский, хотя де-факто всей практической работой занимался назначенный комиссаром отдела фон Бекман.

Как видно из таблицы 1, отдел занимал 1000 кв. м и представлял 106 экспонентов. Вполне достойно. Тем не менее, сам факт того, что он

оказался меньше представительств других великих держав, многими в обществе рассматривался если не как провал, то уж точно как серьезное упущение властей. Впрочем, по мнению журналиста, он хоть «и уступал по обширности другим отделам... но зато ярко выделялся между ними как по своему изящному устройству, так и по оригинальности выставленных предметов».<sup>3</sup>

Церемония торжественного открытия Русского отдела состоялась 18 мая в присутствии почетных гостей, представителей дирекции и российского посланника Столыпина. Через полтора месяца, 3 июля, дошло время до экспертизы экспонатов.

Вход в отдел был роскошно убран цветами и коврами. Гости встречали два рослых конногвардейца в белоснежных мундирах, резко выделявшихся на фоне темно-красных драпировок.

Во всем господствовал хорошо знакомый иностранцам по русским павильонам на Всемирных выставках образ «боярской» архитектуры: богато украшенные арки-полусводы, «пузатые» столбы в стиле русских теремов XVI - XVII веков и тяжелые пунцовые драпировки из полубархата, заполнявшие пространство сверху донизу (к слову, они также служили экспонатами: демонстрировали продукцию московского фабриканта Асафа Баранова).

Перекрестья арок украсили гербами Санкт-Петербурга и Москвы. Над ними, словно паря над экспонатами, распростер крылья Двуглавый Орел.

Автор художественного оформления архитектор Колинне создал проект в господствовавшем тогда «русском стиле» – эклектическом направлении архитектуры второй половины XIX века, главным достоинством которого считалось копирование декоративных элементов русского зодчества XVII века.

Помещение украсили манекенами представителей различных народностей Империи в живописных народных костюмах. «Особенно эффектен был костюм армян; прелестны были также и национальные костюмы некоторых крестьян».<sup>2</sup>

Первой, после почетного караула, гостей встречала витрина петербургской камнерезной фирмы Верфеля с художественными произведениями из ляпис-лазури, малахита и яшмы. Интересный факт: владелец компании Карл Федорович Верфель, родившийся и всю жизнь проживший в Санкт-Петербурге, в 1883 году находился в прусском подданстве (Королевство Пруссия составляло главную часть Германской Империи, созданной двенадцатью годами ранее путем объединения нескольких десятков независимых немецких государств вокруг Пруссии). Русским подданным он стал лишь десять лет спустя, в 1893 году. Тем не менее, именно он, немец по происхождению и подданству, открывал Русский отдел.

Неподалеку от камней Верфеля находилась богатейшая выкладка меховых изделий Поставщика Высочайшего Двора фабриканта Грюнвальда.

Далее «обращал на себя общее внимание отдел шелковых и полушелковых материй, парчи и газета, особенно – изделия московского фабриканта Сапожникова, действительно замечательные по роскоши, художественности и разнообразию рисунка. Тут же привлекал к себе знатоков полушелковый и шелковый бархат московского фабриканта Ивана Соловьева, не уступающий по доброте лионскому».<sup>3</sup>

Русская пряжа, ткани из пеньки, льна и их заменителей также находились в центре внимания гостей, но всех богаче оказался отдел хлопчатобумажного производства, «как по количеству экспонентов, так и по разнообразию и изяществу декоративно выставленных предметов».<sup>3</sup>

На стенде шерстяных и полушерстяных изделий выделялась оригинальная витрина Августа Шредера. Здесь же представители торгового дома «А.Гевортовский и компания» познакомили иностранцев с кашемиром в турецком стиле, кашемировыми шальями, платками и иными оригинальными изделиями собственного производства.

По свидетельству журналиста, более всего голландцев удивили «беговые дрожжи и сани, которые составляют здесь нечто необычайное и невиданное».<sup>3</sup>

Имелись в экспозиции и предметы сельского хозяйства – семена в немереном количестве и образцы пшеничной муки, а также – съестные припасы: фруктово-ягодное варенье, глазированные фрукты и пряники.

Русскую печать представлял весьма красиво украшенный стенд журнала «Нива» с изданиями и образцами рисунков.

Характерно, что в Голландию прибыли предметы не только из русских столиц, но и провинции. Из Оренбурга прислали знаменитые пуховые платки, из Казани, от купца Мелькумова, – татарскую обувь, шитые золотом туфли и шапочки.

Обширность территорий и разнообразие населяющих Империю народов подчеркивали «кавказские» витрины. Экспонат Алиев привез восточные украшения из бирюзы, Ходжеян – ковры тонкой выделки и искусные изделия из серебра.

Универсальность тематики выставки в полной мере сказалась и на русских экспонатах. В одной витрине находились чулочки, в другой – художественные изделия из серебра фирмы Хлебникова, а рядом – рояль черного дерева фабрики Дидрихса с прекрасным мягким тоном.

Конечно, комиссару отдела фон Бекману удалось далеко не все. «К сожалению, – писала «Нива», – наши серебряных дел мастера были почти единственными художниками, ознакомившими голландцев со своими произведениями, если не считать еще одного петербургского фотографа С. Соловьева, выставившего свои прекрасные фотографии. Другие же наши художники отнеслись почему-то слишком небрежно к приглашению, и потому наш художественный отдел на амстердамской выставке, можно сказать, блистал полнейшим своим отсутствием».<sup>3</sup>

Совсем иные, куда более серьезные претензии высказал А.А. Ильин. Трудно не удивиться тому, насколько точно они соответствуют нынешней реальности: «наш отдел с внешней, декоративной стороны был одним из самых красивых и вызывал восторг иностранцев, но зато нельзя сказать того же про его содержание, результаты и участие, принятое в нем нашими производителями; те из них, которые явились, в большинстве случаев отнеслись к выставке как к какой-то обязанности и я не слышал, чтобы кому-нибудь из них удалось приобрести хороших заказчиков... Повторяю, что сорокатысячная на него затрата была сделана более ради представительности, чем в интересах торговли. Покупщики не явились к нам не вследствие того, что наши изделия были недоброкачественны или дороги, а по простой причине нашей неумелости не только продать, но даже показать товар лицом. В этом нельзя не упрекнуть лиц, стоявших у дела.

Другие государства поступили не так, они образовали целые отряды из комиссаров, различных делегатов, агентов и экспертов для защиты

интересов своей промышленности и завоевания новых для нее прав; при этом труд их был строго распределен и роли розданы по способностям каждого. Так, Бельгия организовала две комиссии: королевскую из 16 и исполнительную из 10 человек. Франция имела комиссариат из 5 лиц и комиссии – колониальную из 28 и исполнительную из 22 человек, Англия – один общий комитет из 24 человек, Испания – центральную комиссию из 19 и местную – из 2 членов, даже Япония имела 9 представителей, а Китай – 6. В состав всех этих комиссий и комитетов вошли преимущественно фабриканты, коммерсанты, члены палат, консулы, профессора технологий и вообще люди, близко стоящие к торговому делу».<sup>1</sup>

По словам делегата, ему несколько раз встречались посетители, желавшие вступить в переговоры с русскими производителями, указанными в каталоге, но им не к кому было обратиться. Между тем, за рубежом оказались востребованы многие виды русских промышленных изделий, доказательством чему служил тот факт, что пять экспонентов, активно работавших на стендах, – Грюнвальд, Вюрфель, Хлебников, Ходжеян и Матье (привез кружева, шитье и раскрашенные деревянные ложки и чашки) по несколько раз возобновляли запасы своих товаров, так хорошо шла их торговля.

Практически всем русским экспонентам присудили награды. Но и здесь нечем радоваться – уверен А.А. Ильин: «это было сделано более в виде любезности к нации, чем по справедливости, доказательством чему может служить, например, то, что г. Рождественскому присуждена бронзовая медаль за название вазелина, красовавшегося в каталоге, тогда как самого продукта на выставке совсем не было; г. Васильев получил награду за лаки только по внешнему осмотру банок без надлежащей их пробы, и, несмотря на просьбы нашего агента убедиться более основательно в их достоинствах, экспертиза отстранила себя от этого труда».<sup>1</sup>

Таковы оценки профессионала. И не нам их судить, тем более, что все перечисленные беды легко пережили полтора столетия и полной чашей выплескиваются на выставках XXI века.

И все же, факт остается фактом: Россия присутствовала на этой совершенно нехарактерной для себя колониальной выставке, и очень достойно, не хуже других великих держав.

Александр БЕЛЯНОВСКИЙ

### ЛИТЕРАТУРА

1. Международная и колониальная Амстердамская выставка 1883 года: Отчет делегата Императорского Русского Технического Общества А. А. Ильина, сообщенный общему собранию 30 сентября 1884 года. «Записки Императорского Русского Технического Общества», 1884, вып. 5 и 6, том IV, с. 317-387
2. Выставка в Амстердаме. «Нива», 1883, № 23
3. Русский отдел на Амстердамской международной выставке. «Нива», 1883, № 35.

Опубликованная в прошлом номере журнала «Экспо Ведомости» № 2 за 2009 год историческая статья «Бразильский кофе – вместо русской водки? Хорошая идея, господа...», посвященная Международной выставке садоводства и Выставке кофе Бразильской Империи 1884 года в Санкт-Петербурге, по случайности была напечатана без подписи автора – Александра Беляновского.